

Камила / отрывок из романа

Category: Kitapcy, Romanlar

написано kitapcy | 22 января, 2025

Камила / отрывок из романа КАМИЛА

Часть I

Глава 1

Белое, словно омытое молоком, лицо девушки было похоже на полную луну в ясную ночь. На нем под бахромой бровей сверкали черные глаза и огнем пылали губы, позаимствовавшие у гранатов их пурпурную окраску. И все это было в обрамлении темных волос, заплетенных в толстые, длинные косы. Стройная фигура, гибкий стан, вся ее внешность очаровывали каждого, кто хоть раз видел Камилу. Наделенная природой столь щедро красотой, девушка была обделена в другом – она выросла сиротой. Это наложило отпечаток и на ее характер. Камила была застенчивой и простодушной, часто придавалась грусти.

Айбарчин-апа, воспитавшая племянницу, своих детей не имела и потому всю нерастраченную материнскую любовь обратила на Камилу, заботясь о ней и оберегая как родную дочь. Благодаря тете Камила выросла честной, порядочной, доброй девушкой. Как говорили люди, и внешностью и характером она очень походила на свою мать – Гуландомбегим...

Гуландом рано лишилась родителей и вместе с сестрой Айбарчин воспитывалась у дальних родственников. Она была умной, смысленной девочкой. Поэтому, став взрослой, смогла поступить в институт. В те дни, когда Гуландом стала студенткой, она была счастливее всех. И, если бы не встретила Максуда, может быть, ее судьба сложилась бы иначе. Ну, что тут поделаешь? Судьба есть судьба...

Максуд был однокурсником Гуландом. Впервые увидев его, она почувствовала, как тревожно забилося сердце, и под магическим взглядом Максуда руки и ноги девушки отказались повиноваться ее воле. И парень полюбил Гуландом с первой встречи. Куда бы

он ни глядел, всюду видел огненный взор красивой девушки и как бы утопал в больших, бездонных глазах своей возлюбленной.

Они долгое время лишь взглядами объяснялись друг другу в любви. Но любовь день за днем разгоралась все сильнее и сильнее пока не запылала ярким пламенем, приносящим неподдельную радость и нестерпимую боль.

Наконец, во время одной из студенческих хлопковых кампаний, Максуд решился – излил девушке свою душу, объяснившись в любви. И его исповедь, идущая из самого сердца, обожгла Гуландом, разбудила дремлющую в ней женщину. И здесь, на полевом стане, прошла их первая ночь любви. Разве есть на свете большее счастье, чем любить и быть любимым?!

Влюбленные были пьяны от переполнивших их чувств, не замечая ничего вокруг. Но, когда дело дошло до свадьбы, родители Максуда, состоятельные и уважаемые в городе люди, не дали согласия на женитьбу своего сына на дочери простого сельского арбакеша – извозчика.

В то время, когда родители Максуда, выбрав приглянувшуюся девушку, готовились к свадьбе, Гуландом была на сносях. Она упрекала себя за безоглядную доверчивость, за то, что поддалась чарам любви, и часто плакала. Избавиться от ребенка было слишком поздно. Ее успокаивали землячки – подружки, жившие в одной с ней комнате. Но Гуландом, представляя, как останется одна на белом свете со своим ребенком, не находила себе места. Ночью перед свадьбой Максуда «скорая помощь» отвезла Гуландом в роддом. Она бредила, и в бреду произносила имя возлюбленного: «Максуд-ака, Максуд-ака». Роженица громко стонала, звала свою мать и плакала горькими слезами.

Когда раздался первый крик малышки, на улице уже рассветало. Но для Гуландом уже ничто не имело значения. К утру жизненные силы покинули ее...

Глава 2

Глядя на двухэтажный, роскошный дом – дворец в одном из

престижных, с чистым воздухом районов города, многие вздыхали с нескрываемой завистью. В этот раз, несмотря на глубокую ночь, дом, утопающий в зелени чинар-великанов, светился множеством огней. Сквозь чугунный, узорчатый забор и листву деревьев виднелись прозрачные струйки воды, бьющей из великолепного фонтана посередине двора, разбрасывая фейерверк брызг, рвались ввысь и падали вниз, в хауз. Но легкое журчание воды заглушалось гомоном многочисленных гостей, громкой музыкой и песнями. Молодежь танцевала, а степенные аксакалы и дородные женщины оживленно обменивались мнениями. Только жених и невеста, сидевшие на почетном месте, чувствовали себя как-то неуютно.

В родильном доме плачет ребенок. К несчастью, ему, бедняжке, не довелось попробовать материнского молока. Отчего он плачет, не знают ни мать, которой уже нет в этом мире, ни отец, празднующий свою свадьбу. Лишь дежурная медсестра, ухаживая за малышкой, время от времени дает ей соску с бутылочкой молока.

У жениха на душе неспокойно. Он сидел рядом с похожей на куколку невестой, опустив голову. И не мог смотреть ей в глаза, мысленно успокаивая себя: «Рано или поздно все наладится».

Родители жениха радовались, любясь молодыми, и от всей души желали им счастья. Кто же может пожелать своим детям плохого? Максуд – старший в семье, и растили его, чуть ли не сдувая с него пылинки, исполняя все желания. Дильфуза же, младшая дочь, значит – любимица. А породниться с ее семьей большая честь. Ведь родители девушки – уважаемые, почтенные люди. И родственники с обеих сторон – тоже люди состоятельные. Ни один из них на свадьбу не пришел пешком – все приехали на иномарках – автомашины наводнили всю махаллю...

Малышка, сосав молока из бутылочки, все же уснула. Приближался рассвет. Это для девочки была лишь вторая утренняя заря. Впереди ее ждала целая жизнь – светлые дни и темные ночи...

К утру утихла и свадебная суэта. Неубранный двор опустел. Лишь валявшиеся пустые бутылки из-под водки и остатки фруктов на столах напоминали о недавнем веселье. Хозяйская прислуга торопилась подмести двор, убрать со столов и помыть посуду. Вот-вот начнется юзочди – открытие лица невесты. Сваты приедут, вся родня, женщины махалли соберутся.

Девочка, то ли испугавшись во сне, то ли по другой причине, опять проснулась и заплакала. К великому сожалению, у нее не было матери, которая бы откликнулась на ее зов. Весь роддом, все посетители со вчерашнего дня говорили о горькой судьбе Гуландом и об осиротевшей малышке. И вправду, плохая весть распространяется быстро...

Глава 3

Небольшая глиняная хижина – старая постройка, которая, того и гляди, вот-вот развалится, и огромный двор, огражденный обветшалыми лоскутами холщовых мешков, сразу же наводили на мысль, что эта семья без мужчины. Действительно, у Айбарчин-апы нет мужа – они давно развелись после семи лет, прожитых вместе. С тех пор, как Гуландом уехала учиться в город, Айбарчин-апа здесь одна-одинешенька. Позабыла ее сестра, позабросила. Последний раз виделись семь-восемь месяцев назад. Айбарчин-апа встала чуть свет и пошла в огород. Вчера весь день ее веки подергивались, пробуждая в сердце тревожные предчувствия. Ночью ей почему-то приснилась Гуландом. Она все обнимала сестру и целовала, дарила ей золотые сережки. «Дай Бог, чтобы все было благополучно», – прошептала женщина. В это время с улицы донесся голос:

– Айбарчин-апа, ай! Айбарчин-апа!

– Кто там? Иду, иду-у. Сейчас, сейчас...

– Это я, тетенька, Назира!

– А, это вы, сестренка. Здравствуйте. Каким ветром, милая? Что случилось? А где же Гуландом?

Но Назира молчала. Ну, как сообщить о том, что Гуландом больше нет, ее родной сестре? На девушке не было лица, дергались губы, она дрожала и что-то бормотала. Назира не успела произнести нужные слова – все было ясно и без них. Осознав все, Айбарчин-апа потеряла сознание и упала на пороге...

Женщины, пришедшие на юзочди, еле-еле поместились в шестнадцать комнатах, под потолком каждой из которых красовались хрустальные люстры, а отделка стен слепила глаза. В трех верхних комнатах, где было развешено сеп – приданое невесты, сидели сваты и близкие родственники, гордясь этими богатствами – бархатом и шелковыми тканями, одна краше другой, готовыми платьями, сшитыми по последнему слову моды, верхней одеждой. О дастархане, уставленном всевозможными угощениями, лучше и не говорить. Ой-бой, с ума можно сойти! Изобилие всего! Ведь Васи́ла-апа и Мардон-ака много лет готовились к этому дню, трудясь не покладая рук и копя для своих трех сыновей и дочери.

Когда безжизненное тело Гуландом и ее живого младенца привезли в кишлак, все уже было подготовлено к печальному обряду. Односельчане пришли в дом Садыка-арбакеша сказать последнее «прости» одной из них.

Скоро будет прочитана «жаноза» – полагающаяся в этом случае молитва, а пока Айбарчин-апа во весь голос рыдает над анбаром – пурпурным погребальным покрывалом, обтягивающим гроб-носилки. Плачут близкие, родные, соседки. О, если бы сейчас ожила Гуландом и взяла бы на руки свою крошечную дочурку, которая в своей колыбельке истошно кричит на весь кишлак!

...0, беспощадный мир! До чего ты бессердечен!

Все женщины, приглашенные на юзочди почти в одинаковой одежде. От платков до махси – калаш повторяют друг друга. И лишь по лицу и росту можно их различить. Однако у всех свои судьбы, печали и радости. Одна жалуется на младшую сноху, другая рассказывает о завистливой невестке. Кто-то хвастает своим богатством, кто-то гордится детьми. Гости, которые говорят о том, о сем, к концу смотрин начинают беспокоиться о своих дастарханах. Со словами «Чтобы в каждом доме была свадьба» женщины берут для своих домочадцев гостинцы. А когда свекровь положила в руки невестки жир с мукой, чтобы ее руки всегда были в жире и муке, на улице уже стемнело...

Глава 4

Айбарчин-апа, как обычно, встала ни свет ни заря. Совершив утренний намаз, подоила корову и сварила аталу для Камилы. Накормив девочку, которая только начинала ходить, тетка постелила на арбу толстый тушак и усадила на него малышку. Следом и сама устроилась рядом. Покрикивая на осла, запряженного в арбу, оставшуюся от отца, Айбарчин-апа поехала из кишлака в поле работать на табачной плантации – сезон сбора табачного листа был в самом разгаре. В такое время нельзя упустить день – другой, потом их не наверстаешь. А ей девочку кормить надо.

Васила-апа и Мардон-ака стали бабушкой и дедушкой – у Максуда родился сын. Радости близких не было предела. Нарекли мальчика Сиявушем. Сегодня новорожденного привезут из роддома. Уже с утра в доме суета, хлопоты.

Камила уснула на арбе, стоящей в тени под раскидистой кроной

тутовника. Ела лепешку и незаметно уснула, зажав в пухленькой ручонке недоеденный кусочек. А Айбарчин-апа тут же неподалеку нанизывала табачные листья на толстую длинную нитку для просушки. Дай Бог сил и здоровья поставить Камилу на ноги. «Девочка скоро научится говорить. Интересно, как она будет меня называть: Айбарчин-апа, тетя, или... Да, это и не важно. Самое главное, чтобы была здоровой и счастливой», – подумала Айбарчин-апа.

Дильфузу с ребенком и родственников, забравших ее из роддома, привезли на четырех машинах. Маленького Сиявуша то дедушка берет на руки, то бабушка возьмет, то младшие братья мужа вырывают у матери из рук, а у них их сестренка – всем хочется поддержать малыша. И каждый ревниво посматривает на остальных, чтобы кто-нибудь не нянчился с Сиявушем больше других.

Солнце опускается за горизонт. Уставшая, вымотавшаяся под палящими лучами Айбарчин-апа, наскоро помыв руки и лицо арычной водой, опять запрягла ишака в арбу, усадила Камилу и по пыльной дороге поехала обратно, к своему ветхому домишке.

Глава 5

У Камилы вот уже несколько дней не спадает высокая температура. Она то бредит во сне, то просыпается, испугавшись чего-то. Порой ее сердечко начинает стучать сильно-сильно, а дыхание становится тяжелым. Каждый раз, когда ребенок жалобно стонал, сердце Айбарчин-апы то уходило в пятки, то застревало в горле. «О, Аллах, всемогущий и милосердный, сжался над моей девочкой. Ты лишил ее, бедняжку, матери, отнял отца. Не забирай жизнь моей доченьки... спаси мою малышку...», – просила Бога Айбарчин-апа, и слезы текли по морщинкам, рано появившимся на ее загорелом лице, и скатывались на подбородок, а с него капали на платье.

Айбарчин-апа мысленно ругала себя за то, что не углядела за

Камилой, таская ее с собой за десять километров на табачную плантацию и обратно. Видимо, у девочки солнечный удар.

Вчера приходили два сельских фельдшера – выписали уйму лекарств. А где взять деньги! Она и так еле сводит концы с концами. Утром атала, в обед – атала, на ужин опять та же каша из муки. Да и поможет ли эта «химия»?! Женщина не была в этом уверена. Потому и попробовала вылечить Камилу, прибегнув к народным средствам: обложила голову девочки ивовыми листьями и обмотала платком, давала отвары трав... Побывала и у сельского знахаря, и к домулле возила...

Днем Айбарчин-апу успокаивает, подбадривает соседка Ширманхан-ая. Но вечером... Женщина боится опять остаться наедине с болезнью Камилы. Если была бы жива сестра!

И не знает Айбарчин-апа, что в доме незримо находится Гуландом, рядом со своей доченькой и родной сестрой. Ее длинные распущенные волосы ниспадают потоком на легкое, воздушное платье до пят. На лице печать беспокойства и тревоги. Вот она бесшумно подплывает к Камиле, хочет взять на руки и прижать к груди, но у нее не получается. Все ее старания напрасны. На красивом лице отражается страдание. Гуландом зовет на помощь сестру, но та ее не слышит, касается плеча Айбарчин-апы, но та ничего не чувствует и проходит сквозь воздушную Гуландом...

Истекла чилля – сорокодневье Сиявуша. Сегодня в доме его деда и бабки устраивают празднество – бешик-той по случаю того, что младенца впервые укладывают в колыбель. Собрались многочисленные родственники, близкие, друзья. Обслуга сует, суетится, разнося угощения. Наконец после молитвы-благословения убрали дастархан, и нянька вынесла из соседней спальни виновника торжества.

Сухонькая старушка берет младенца на руки, разматывает его пеленки и кладет в колыбель, поставленную в центре просторной гостиной. Когда сюда незримо вплыла Гуландом, женщины уже рассыпали над люлькой конфеты – чтобы жизнь малыша была

сладкой. А Гуландом с глазами, полными слез, искала близкого ей человека – Максуда. Она переходила из одной комнаты в другую в поисках своего неверного, непостоянного и ненаглядного возлюбленного – отца несчастной Камилы...

Глава 6

Вот уже восемь лет Айбарчин-апа живет в постоянном страхе. Она с тревогой ждет, когда Камила задаст самый главный в ее жизни вопрос – об отце, о матери. Мысль об этом не дает женщине покоя, заставляя даже ночью просыпаться от испуга. Ведь рано или поздно девочка все-таки спросит о своих родителях. Что ей тогда ответить, как сохранить душевный покой Камилы?!

Камила растет смышленной девочкой. Закончила «на отлично» первый класс. И с каждым месяцем становится все серьезнее. Кажется, что это не ребенок, а взрослый человек, только маленького роста. Когда она о чем-то спрашивает Айбарчин-апу, той кажется, что девочка вот-вот задаст тот самый вопрос, отвечать на который она так боится. И вот это случилось. Однажды, когда Айбарчин-апа хлопотала на кухне, готовя обед, с улицы вся в слезах прибежала Камила, бросилась к ней на грудь и громко зарыдала:

– Мамочка!.. Где мой отец?!

Айбарчин-апа, еле удержавшись на ногах от неожиданности, крепко обняла девочку. Она обманула ее, ответив, что отец уехал от них далеко-далеко и не может вернуться обратно. А что она еще могла сказать?! Что он бросил свою дочь, еще не успевшую родиться?

Всю ночь женщина не смыкала глаз.

– О, Аллах всемогущий! – мысленно обращалась она к Богу. – За что такое наказание?! Лучше бы я умерла вместо Гуландом!

Какие все-таки жестокие дети! Почему они обозвали Камилу сироткой, подкидышем? Откуда в них это? Неужели нельзя спокойно играть в свои детские игры, не вмешиваться во взрослую жизнь?

Камила спала, доверчиво прижавшись к Айбарчин-апе, а та просила у нее прощения за свою спасительную для обеих

неправду, ложь во имя их благополучия.

Васила-апа успела женить второго сына и еще раз стать бабушкой, подарив свою любовь и этому малышу. Невестка Фариды из семьи среднего достатка, с высшим образованием, красивая, добрая, приветливая. Однако Машрабу нелегко было добиться согласия родителей на свою женитьбу. Если бы в это дело не вмешался дядя – ходжи, вряд ли ему удалось бы привести в родительский дом любимую девушку.

Отец Фариды – преподаватель, мать – врач. Они тоже поначалу очень беспокоились – жених-то из богатой семьи, примут ли там их дочь как равную, не обидят ли! Сыграли свадьбу. Васила-апа не срамила сына перед тестем с тещей – приняла невестку, как родную дочь, оказала и ее родителям должный почет. Фариды, слава Аллаху, прижилась в доме мужа, ладит со свекровью, с родней Машраба. Оказывается, можно отдавать девушку замуж в богатую семью.

Васила-апа, хотя сама и из богатой семьи, женщина простодушная. Желает лишь, чтобы дети ее были счастливы. Много сделала богатых подарков старшей невестке, а Фариде – вдвое больше, чтобы та не чувствовала себя ущемленной. И у Мардон-ака на душе спокойно:

– Душевная, приветливая девушка, – сказал он однажды жене. – Дай Бог, чтобы все было хорошо!

Глава 7

Айбарчин-апа с трудом открыла замок старого сундука, доставшегося в наследство от матери – Хадичи-апы. Среди вещей оказались и три небольших атласных отреза. А бедному человеку и это кажется богатством. Хорошо, что еще по-прежнему шьет бабушкина швейная машинка. Иначе как бы смогла взять с собой Камилу в город совершить паломничество – зиярат?! Ведь девочке нечего одеть.

Она прикинула: хватит ли найденного атласа, чтобы получились новые платье и лазим – женские штаны. Если хорошо рассчитать –

все получится. В ход пошли мелок и ножницы, а затем очередь дошла и до швейной машинки.

Закончив с шитьем, Айбарчин-апа примерила обнову и осталась довольной своей работой: и платье и штанишки были Камиле впору. Теперь можно заняться и головой. Женщина заплела короткие волосы девочки в мелкие косички и завязала их кончики нитками.

– Ой, мама, а на голову что я надену? – испуганно вскрикнула Камила.

– На голову, на голову... – задумалась Айбарчин-апа. И, придумав, чуть не сказала вслух: «Белую тюбетейку своей матери...» Но вовремя спохватилась и прикусила язык.

Она достала из сундука тюбетейку Гуландом, завернутую в лоскут ткани, стряхнула с нее невидимую пыль и, надев на девочку, тихонько заплакала...

Все это время в комнате незримо находилась Гуландом, смотревшая с любовью то на доченьку, то на сестру, и радовавшаяся тому, как они дружно живут. Ей захотелось обнять и поцеловать нарядно одетую Камилу. Но у нее, как всегда, ничего не получилось. Каждый раз, когда хотела прикоснуться к ней, Гуландом просачивалась сквозь маленькое тело дочери и оказывалась за ее спиной.

Первенец Максуда Сиявуш в этом году пойдет в первый класс. К этому событию готовились заранее. Его учили читать, считать и писать. Целый год с ним занимался учитель английского языка. В той гимназии, куда собираются отдать Сиявуша, учатся ребята из состоятельных семей. И за это их родители платят деньги. Ну и что?! На это денег не жалко. Станет внук образованным, интеллигентным человеком. А там, глядишь, по его стопам пойдут и младшие – Шахрух и Гуландом.

Автобус, едущий в Ош, переполнен женщинами и детьми. Но никто не чувствует неудобств. Звучит мелодия дойры, и паломники поют

песню своих бабушек и дедушек про сумбулю. В полдень они подъехали к городу и остановились у подножия Сулейман-горы. Немного передохнули и поехали дальше, к дому сестры водителя, которая радушно приняла приехавших из села. Гости разместились на айване и выложили на дастархан привезенное с собой угощение. Вновь зазвучала дойра. И женщины, словно и не устали, стали петь и танцевать, сменяя друг друга. Привлеченная весельем, сюда сбежала вся детвора махалли. Прибаутки, доносящиеся из соседнего двора, привлекли внимание и Васи́лы-апы, которая гуляла с Сиявущем в саду. Она с внуком вышла на улицу, где ее увидели хозяева и пригласили к себе. Васи́ла-апа стала отказываться, ссылаясь на занятость, но соседи уговорили старую женщину зайти к ним в гости.

Дети, приехавшие с родителями, и местные ребятишки, поглазев на то, как веселились взрослые, постепенно все оказались на улице. Они долго и увлеченно играли. И как-то само собой получилось, что оказались во дворе дома, где жил Максуд. Мардон-ака, Максуд, Машраб и невестки сидели на суре, стоявшей посередине двора, и ели плов, беззлобно наблюдая за детьми, которые пили воду из фонтана.

Здесь была и Камила. Она вместе со всеми пила чистую, прозрачную воду. Когда она в очередной раз наклонилась, чтобы зачерпнуть ее ладошками, тубетейка, бывшая ей немного великоватой, соскользнула с головы, упала в водоем и, как бумажная лодочка, заплыла на середину хауза.

Максуд, увидевший, как девочка безуспешно пыталась выловить свою тубетейку, встал с суры и, найдя длинную палку, подошел к хаузу. После нескольких неудачных попыток ему удалось достать белую тубетейку. Вылив из нее попавшую внутрь воду и отряхнув, Максуд надел тубетейку на голову Камилы.

Если бы вы видели тогда огромные черные глаза девочки! Она впервые в жизни поняла, для чего нужны детям отцы. Как ей хотелось в этот миг, чтобы тубетейку выловил ее родной отец. Почему его нет рядом с ней? Где он, почему оставил свою дочь?

К шестнадцати годам Камила из девочки-подростка превратилась в красивую девушку. На нее засматривались даже зрелые мужчины, а от парней отбоя не было. Чистое белое лицо, губы, словно спелые ягоды черешни, большие выразительные глаза, черные как смоль волосы, заплетенные в мелкие косички, ниспадающие на стройный стан с осиной талией – все это любого парня сведет с ума. Чуть ли не каждый день она получает от кого-нибудь любовные письма или записки. Но тут же рвет их, не читая. Не меньше у девушки и завистников, вернее, завистниц. Сверстниц и тех, что постарше. Да и как им не быть, если кишлячные парни ни на кого, кроме Камилы, и не глядят.

Однажды, когда Камила после уроков спускалась со школьного крыльца, она столкнулась с тремя девушками, которые оживленно о чем-то перешептывались. Увидев Камилу, стали над ней насмехаться.

– За что только любят этого подкидыша? – бросила с усмешкой одна.

– Удивительно! – подхватила вторая. – А ведь у нее нет ни отца, ни матери.

– Видно правду говорят, что ее мать была распутницей, – съязвила третья.

От этих слов в глазах девушки потемнело, и две крупные капли соскользнули на щеки, ставшие пунцово-красными. Но Камила сдержалась и, бросив хмурый взгляд в сторону сплетниц, молча прошла мимо них.

Да, в этом мире человек долго может не знать о себе немало важного. Зато окружающие знают о нем слишком много.

Девушка шла, не чуя под собой ног, и не заметила, как дошла до дома. Когда Айбарчин-апа, шившая на суре халат, увидела Камилу, сердце ее екнуло от тревожного предчувствия. И она поспешила вслед за девушкой, проскользнувшей в свою комнату, где Камила, упав на кровать и уткнувшись лицом в подушку, дала волю слезам.

– Доченька, родная, – ласково заговорила Айбарчин-апа, – ктонибудь обидел тебя?!

Девушка не ответила.

– Родная ты моя, не пугай меня, скажи? Может быть, учительница

поругала? Ну, что случилось? Расскажи, пожалуйста...

Камила, оторвав голову от подушки, хотела что-то сказать, но захлебнулась в слезах и не смогла произнести ни слова. Потребовалось время, прежде чем она, всхлипывая, наконец, спросила:

– Почему девушки обозвали меня подкидышем?!

Вот и дождалась Айбарчин-апа вопроса, ответить на который когда-то так боялась. Но она уже давно смирилась с необходимостью ответить на него и даже ждала, когда девушка спросит о своих родителях. Видно пришла пора узнать Камиле всю правду. Где-то в глубине души пожилая женщина была даже рада этому. Тяжело хранить горестные тайны, когда тебе уже под пятьдесят. И Айбарчин-апа вздохнула с облегчением.

А Гуландом, все эти годы бывшая рядом со своими родными, уже научилась входить в тело сестры и ее руками обнимать, а устами целовать свою доченьку и смотреть на сиротку глазами Айбарчин-апы. Это стало возможным потому, что обе они одинаково сильно любили Камилу. Намерения обеих совпали, и дух Гуландом в очередной раз вошел в тело сестры...

Айбарчин-апа вышла во двор, приставила тяжелую лестницу к стене дома и забралась на чердак. Там отыскала небольшую плоскую шкатулку, аккуратно завернутую в целлофан, где хранился альбом с фотографиями матери девушки в студенческую пору.

Камила рассматривала старые фотографии со слезами на глазах, а Айбарчин-апа рассказывала ей о судьбе матери. Когда девушка пролистала альбом до середины, ее взгляд остановился на фотографии, где рядом с Гуландом стоял симпатичный чернобровый молодой человек – отец Камилы.

Глава 9

Камила окончила среднюю школу «на отлично» и решила осуществить свою мечту – изучить английский язык в университете, где когда-то училась ее мать. Чтобы это сбылось и девушка не испытывала нужды, Айбарчин-апа много работала: стирала чужим людям, шила, работала на табаке, разводила

шелковичных червей и заготавливала коконы, старалась побольше вырастить в своем саду и огороде на продажу. И ей удалось скопить немного денег. Так что Камила может спокойно ехать в город.

Тяжело было на душе у пожилой женщины, когда на автовокзале провожала Камилу и ее подружку Шахисту. Хотя девушки пока ехали лишь сдавать документы, Айбарчин-апа не находила себе места. «Не хочется мне расставаться с Камиллой даже на короткое время», – подумала она, когда автобус тронулся с места, увозя будущих студенток в большой город.

Назвав свою единственную дочь Гуландом, Максуд, сам того не подозревая, создал для себя еще одну проблему. Дильфуза в общении с ним стала более сдержанной, а в последние месяцы ревность в ней заговорила во весь голос. Каждый раз, когда муж возвращался домой поздно, то обязательно в семье возникал скандал. И в этот раз случилось именно так. Приехали зарубежные партнеры, и Максуд весь день знакомил их со своим предприятием, а вечером иностранных гостей пригласил на ужин в ресторан отеля «Интурист». И, как водится, просидели до утра. Дильфуза всю ночь не ложилась спать, беспокоилась, волновалась. А подвыпившего мужа встретила словами, процеживая их сквозь зубы:

– Я знаю, почему свою дочь вы назвали Гуландом! Мне это надоело. Сколько можно терпеть?! Можете идти к своей первой любимой...

Слова жены тяжело ранили Максуда. Сердце сжалось от боли: «Откуда Дильфуза знает о Гуландом?» – промелькнуло в его голове. «Ах, да. Ведь я сам рассказал молодой жене в первые дни после свадьбы о своих однокурсниках и показал студенческий фотоальбом. Листая его, Дильфуза обратила внимание на фотографию самой красивой девушки – Гуландом». Максуд назвал жене ее имя, не предполагая, что это аукнется через столько лет.

До чего же догадливы эти бабы! Им достаточно услышать из уст

мужей имя другой женщины, а остальное дополнит их ревнивое воображение. Будут исподлобья поглядывать на своих чуть-чуть запоздавших с работы мужей, даже позволят себе присмотреться – не остался ли на лице след от губной помады, понюхать – не пахнет ли от них чужими женскими духами.

Дильфуза все не могла успокоиться. Она то рыдала, неосознанно добиваясь, чтобы муж пожалел ее, то кричала на него, не подбирая слов.

– Я, как дура, сижу целыми днями и ночами дома, ожидая вас, а вы... всю ночь где-то шляетесь, развратничаете со шлюхами. Чем лучше меня ваша Гуландом?! Ответьте, почему вы любите не меня, а эту потаскуху, которая сегодня с одним, а завтра с другим...

– Хватит! Перестань! – не выдержал Максуд этого потока брани.

– Прикуси язык. О чем ты говоришь?! Ее ведь нет среди живых!

Максуд побледнел, голос его дрожал, и телом овладела нервная дрожь... Он терял контроль над собой. Захотелось ударить жену, но сдержался, выбежал из дома и, не желая думать ни о чем, сел в свой лимузин, выехал за ворота и нажал на газ, стремясь выжать из машины предельную скорость...

Камила с подругой приехали в город к десяти часам утра. Узнав у прохожих, где находится университет, сели в городской автобус. Через полчаса были уже на остановке около учебного заведения. Осталось только перейти дорогу. Посмотрев по сторонам, как их учили в школе, девушки стали переходить на противоположную сторону. И вдруг из-за поворота с бешеной скоростью выскочила длинная белая машина. Камила не успела ничего сообразить, как оказалась под колесами автомобиля. Шахиста, увидев подругу, лежащую на обочине в луже крови, истошно закричала.

Максуд, ошеломленный происшедшим, выскочил из машины и, расталкивая начавших собираться зевак, подбежал к бездыханной, истекающей кровью Камиле. Не ожидая приезда «скорой помощи», дрожащими руками подхватил тело девушки и с помощью ее подруги, поддерживающей голову Камилы, и сердобольных прохожих уложил на заднее сиденье, усадил рядом с собой Шахисту и

погнал автомобиль к ближайшей больнице, полностью сосредоточившись на дороге, боясь сбить еще кого-нибудь.

А рядом с Камиллой сидела другая девушка, очень похожая на нее. Плечи Гуландом сотрясались от плача. Но никто не видел ее и не слышал...

Глава 10

Серые облака, заполонившие небо, сгущались, становясь, все темней и темней. И тут из-за черных туч показалась арба. Запряженный в нее осел стучал копытами, как по выложенной камнями дороге. Скрипели большие колеса. Садык-арбакеш со своей женой Хадичой сидели, прижавшись, друг к другу. Вдруг поднялся ураган и начал раскачивать арбу из стороны в сторону, а затем подхватил, поднял в воздух и завертел, словно мельницу. Хадича-апа чуть не упала на землю, но успела обеими руками ухватиться за колесо, повиснув над облаками. А Садык-ака судорожно сжимал вожжи, пытаясь удержаться на арбе.

Айбарчин-апа, в ожидании Камилы уснувшая на суре, проснулась в испуге. Сердце ее бешено колотилось. Надо же такому присниться?! Она поспешно зашептала слова молитвы.

Темнело. А Камилы все не было. Вдруг с улицы донесся шум подъехавшей машины, и тут же во двор вбежала Шахиста:

– Тетя, тетя, переоденьтесь, поедem в город, заторопила она и сбивчиво объяснила: – Поедем навестить Камилу. Она лежит в больнице, в тяжелом состоянии. Ее сбила машина.

Айбарчин-апе показалось, что небо обрушилось на нее. Она побледнела, ноги стали подкашиваться. Если бы не Шахиста, поддерживавшая ее, пожилая женщина упала бы на землю.

За рулем машины Айбарчин-апа увидела незнакомого богато одетого мужчину лет тридцати пяти – сорока с проседью на висках. Максуд подробно рассказал о случившемся несчастном случае. Пожилая женщина расплакалась, и ему пришлось ее успокаивать. Когда Айбарчин-апа немного пришла в себя, Максуд завел машину, и белый лимузин, поднимая клубы пыли, помчался

по дороге по направлению к городу.

Несколькими часами позже они уже были в частной больнице доктора Акрамалиева. В это время судьба Камилы решалась в операционной. Айбарчин-апу усадили в приемной на стул. И она вздрагивала каждый раз, когда хлопали двери или мимо проходил кто-нибудь в белом халате. И вставала – ждала, чтобы ей что-нибудь сказали о состоянии Камилы. Шахиста, как могла, успокаивала ее:

– Тетя, успокойтесь. Вот увидите, Камила поправится. Это я вам говорю. Вот увидите...

Девушка старалась быть убедительной, а у самой сердце сжималось от страха, и она с тревогой посматривала в ту сторону, где находилась операционная. Максуд же все это время ходил взад и вперед, курил сигареты одну за другой.

Операция длилась несколько часов. Врачи сделали все возможное, чтобы спасти Камилу.

Выйдя из операционной, доктор Акрамалиев подошел к Максуду.

– Доктор, – встретил тот хирурга, – каково состояние девушки?

– Тяжелое, очень тяжелое. Сильно пострадала голова, руки-ноги тоже. Если даже поправится, боюсь, чтобы не стала инвалидом.

– Можно надеяться на хорошее?

– Все зависит от Аллаха. Не скажешь о плохом, не случится и хорошее. А кем она будет вам?

– Никем... Но, доктор, она должна жить. Я на все готов, лишь бы она не умерла. Хочу, чтобы она поскорее выздоровела.

– Больная, пока не придет в сознание, будет находиться в реанимационном отделении. Не беспокойтесь, лечением девушки займусь сам.

– Спасибо, доктор, благодарю

Айбарчин-апа через силу заставила себя взглянуть в глаза Максуду. Беспокоится о Камиле как родной отец, но ведь именно он виноват в том, что случилось.

– Апа, пожалуйста, не убивайтесь так. Доктор сказал, что все будет в порядке.

– Слава Аллаху, – сказала женщина, немного успокоившись, и опять расплакалась.

Чуть позже они разбудили Шахисту, нечаянно уснувшую на диване.

Когда вышли из больницы, звучал призыв азанчи к утреннему намазу. Айбарчин-апа и Шахиста хотели вернуться в кишлак, но Максуд уговорил их поехать к нему домой.

Роскошные узорчатые ворота из чугуна открыл садовник. Айбарчин-апа и Шахиста удивленно переглянулись. Им показалось, что они попали не в дом, а в настоящий дворец.

Глава 11

Васила-апа соскучилась по Севаре, постоянно думала о ней, и дочь часто появлялась в ее снах. И вот дождалась. Из Ташкента приехали дочь с зятем Акмалем и его родители, которых на машине привез младший брат зятя – Асрор. Акмаль – однокурсник Севары. Если бы они не полюбили друг друга еще в студенческие годы, то навряд ли Васила-апа согласилась бы, чтобы дочь увезли в такую даль. Ведь она у нее единственная. Но против судьбы не пойдешь. Аллаху, видно, было угодно, чтобы они поженились.

У Василы-апы и матери Акмаля – Халисхан-апы нашлось много общих тем для бесед. Они подолгу сидели за пиалой чая и вели нескончаемые разговоры о детях, их семьях и судьбах. Васила-апа вспомнила своего Мансура. Младшая невестка Бернара – узбечка, но родилась в Москве, где живут и работают ее родители много лет. Училась вместе с Мансуром. После свадьбы остались жить в столичном городе. А в Ош приезжали лишь один раз – в позапрошлом году. А как хочется чаще видеть своего младшего, невестку, внуков. Если бы были крылья, сама полетела бы к ним...

– Максуд-ака, Максуд-ака, возьмите, пожалуйста, трубочку, – позвала к телефону брата Севара, сидевшая в гостиной с невестками, делившимися с нею своими радостями и печалью.

– А кто спрашивает?

– Из больницы. Какой-то Акрамалиев.

Максуд быстро прошел к телефону и взял трубку:

– Я слушаю.

– Ассалом – алейкум.

– Ваалейкум – ассалом. Я слушаю вас, Закир Акбарович. Все в порядке?

– Слава Аллаху! Если помните, когда вы приходили в последний раз навещать Камилу, я говорил, что скоро ее выпишем.

– Да, да я помню.

– Так вот, мы ее сегодня выписали. Просьба, известите, пожалуйста, об этом ее родственников. Из села каждый день приезжала ее мать, но последние дни почему-то ее не было. Может быть, захворала...

– Не волнуйтесь, доктор, все сделаю, как надо. Большое спасибо за звонок. Я сейчас же приеду.

Пока Максуд разговаривал по телефону, невестки успели рассказать Севаре о трагедии, случившейся несколько месяцев назад. Сестра с обидой обратилась к брату:

– Разве так можно? Мы ведь вам не чужие. Вы нам ничего не сообщили.

– Да, сестренка, да. Но ты прости меня. Мы не хотели вас тревожить. Слава Аллаху, все позади. Кстати, сегодня ее выписали. Но, к сожалению, никто не приехал за ней. Я хочу привезти Камилу к нам домой. По дороге заеду в какой-нибудь магазин, куплю ей одежду.

– Можно я тоже с вами поеду? Ведь вы один не сможете купить девушке одежду!

– А что скажет Акмаль?

– И он с нами поедет. Я сейчас его позову.

По дороге в больницу они побывали в универмаге «Саидмухтар». Тщательно осмотрели все отделы и сделали много покупок – приобрели платья, несколько пар обуви, кофточку, золотые сережки и цепочку, колечко...

В палату Камилы с подарками вошла Севара. Увидев ее, Камила поднялась с кровати.

– Здравствуйте, вы ко мне?!

– Здравствуйте, вы Камила? Мы пришли за вами. Я сестра Максуда-ака. Он ждет вас внизу. Вот одежда. Переоденьтесь, пожалуйста, – попросила Севара, положив свертки с покупками на кровать.

Девушка, глядя на дорогие подарки, покраснела. Такой роскошной одежды она никогда не имела. Было стыдно принимать дорогие подарки, но и обижать отказом она не могла – Максуд-ака столько сделал для нее, что большего не мог бы сделать и родной отец.

– Апа, зачем так тратились? Мне очень неловко! Это вы зря. Сегодня – завтра мама приехала бы. Потерпела бы еще несколько дней в больнице.

– Не говорите так, сестренка. Не обижайте нас. Теперь мы вам не чужие. Не надо стесняться. Если захотите, мы вас сегодня же отвезем домой.

Когда Камила с Севарой вышли из больницы, их встретил Максуд с большим букетом цветов в руках. Когда он увидел красивую, модно одетую девушку, сердце его тревожно застучало, и сам он побледнел – ему показалось, что перед ним стоит Гуландом – так Камила была похожа на его возлюбленную. Нет, этого не может быть...

Камила сидела в машине, не зная, как себя вести. Ее, выросшую в кишлаке в скромной обстановке, сильно смущали и это внимание, и дорогие подарки. Платье казалось тесным, золотые украшения – тяжелыми. Хотелось ощущения свободы и уюта, какое давало привычное, простенькое ситцевое платье.

Когда они приехали и вошли во двор дома, где жил Максуд, первое, что бросилось девушке в глаза, был фонтан. Ей показалось, что она его когда-то уже видела. Но когда? Этого вспомнить не могла. В это время Дильфуза, зовя свою дочку, закричала: «Гуландом, где ты? Гуландом!» Камила, услышавшая имя матери, от неожиданности вздрогнула.

Глава 12

Камила, оказавшись в настоящем дворце, растерялась. Первой ей навстречу вышла Дильфуза. Она, улыбаясь, обняла девушку, бросила через ее плечо сердитый взгляд на Максуда. Какая-то неясная тревога закралась в сердце женщины, сразу же, как увидела Камилу. «Уж не та ли это девушка, что на фотографии из студенческого альбома Максуда-ака?» – спросила она сама себя.

Асрор, вышедший из дома вместе с Сиявушем, не мог оторвать взгляда от гостьи – девушка поразила его своей красотой и неподдельной скромностью.

– Добро пожаловать, милая, просим, – встретила гостью Васи́ла-апа, протянув руки, чтобы обнять Камилу.

– Ах, какая девушка. Мне бы такую невестку! – невольно вырвалось у Халисхан-апы.

– Камилахан, иде́те, сестренка, – пригласила засмущавшуюся гостью Севара, в душе разделяя восхищение свекрови.

Все вошли в дом. Во дворе остался только Асрор. Он был ошеломлен: «Разве можно быть такой красавицей?». Молодой человек тяжело вздохнул. Ему понравилось в ней все: и темные волосы, заплетенные в длинные мелкие косички, и густые черные брови, и тонкий стан... Если бы еще вчера кто-нибудь в кругу его друзей сказал про любовь с первого взгляда, Асрор рассмеялся бы громче всех. А сейчас он почувствовал, что с ним что-то произошло, и он больше не сможет жить без этой девушки.

Зал для приема гостей занимал весь первый этаж дома-дворца. Роскошь его обстановки и отделки ослепили Камилу. Ее усадили на диван, покрытый бархатом. Остальные расположились в мягких глубоких креслах. После короткой молитвы, прочитанной Мардон-ака, Васи́ла-апа спросила у девушки:

– Как чувствуете себя, доченька? Поправились? Последний раз я видела вас в больнице. Тогда вы были плохи. Слава Аллаху, теперь выглядите хорошо. Вы очень напугали нас тогда...

– Спасибо, бабушка, я вас опять потревожила. Я столько вам доставила хлопот...

– Дай Бог здоровья вашей матери – Айбарчиной. Она, оказывается, очень застенчивая. Мы ее еле-еле уговорили остаться ночевать. А на следующее утро она сразу же уехала в кишлак – так переживала за свою корову. Как узнает, что вас выписали, очень обрадуется.

– Ну, ладно, вы, молодые, посидите, поговорите. Чувствуйте себя как дома. А мы с Халисхан-апой поднимемся наверх – близится время вечернего намаза. Ну-ка, отец, благословите молодежь...

После намаза Халисхан-апа начала разговор о Камиле:

– Васи́ла-апа, кем приходится вам это девушка-красавица?

– Мы не хотели беспокоить вас. Сколько раз Мардон-ака предупреждал сына, чтобы не ездил на машине с большой скоростью. Не слушался. И вот – сбил девушку. Слава Аллаху, что она осталась жива. Камила и ее мать хорошими людьми оказались. Никуда не пожаловались. Конечно, и мы не сидели, сложа руки. Несколько месяцев Максуд обивал пороги больницы. Денег на лечение не жалели. Слава Аллаху, с девушкой теперь все в порядке.

– Ой-бой, вас действительно Аллах спас. Иначе...

А в это время внизу Севара показывала Камиле фотоальбом брата.

– Берите, сестренка, фрукты, угощайтесь. Налить вам напиток?

– Спасибо, апа, спасибо, – отвечала Камила, продолжая листать альбом, словно кто-то торопил ее. К тому же усердствовала и Гуландом. Нет, дорогой читатель, не та, призрачная, а маленькая девочка – дочь Максуда. Она сама перелистывала странички, если Камила, по ее мнению, слишком долго рассматривала фотографии.

Молодой Максуд-ака кого-то очень напоминал Камиле, но кого она не могла вспомнить. И вдруг перед ее глазами оказалась уже виденная однажды фотография – молодая Гуландом и ее возлюбленный – отец Камилы.

– Это мой папа, – закричала маленькая Гуландом. – Он был студентом.

У Камилы сдавило виски, она сжала голову двумя руками, перед глазами все поплыло, и девушка потеряла сознание.

Глава 13

Когда Камила пришла в себя, на улице уже светало. Сильно болела голова – сказывалась полученная в аварии травма. Девушка огляделась вокруг. Она лежала на двуспальной кровати в хорошо обставленной спальне. «Где я?» – удивилась Камила и постаралась восстановить в памяти, что произошло с ней. Вспомнила фотографию. Разве она могла предположить, что Максуд-ака – ее отец, бросивший когда-то мать? И теперь она в его доме... Нет, она не должна здесь оставаться! Надо поскорее

уйти, уехать домой, в кишлак. Там Айбарчин-апа, там ее место. Девушка встала с постели, сняла золотые украшения и положила их на столик – она не может принять такие дорогие подарки. Приоткрыв дверь в коридор, Камила в комнатных тапочках, стараясь ступать бесшумно, спустилась по лестнице вниз и вышла во двор.

Садовник подметал дорожки сада и не увидел, как она проскользнула за приоткрытую калитку, бросив прощальный взгляд на фонтан. Камила вспомнила, когда она его видела, вспомнила и про тубетейку, выловленную Максудом. Как она хотела тогда, чтобы на его месте оказался ее родной отец! И вот она бежит из этого дома, от своего найденного отца...

Выскочив на улицу, девушка побежала, не оглядываясь.

Айбарчин-апа встала рано, зажгла огонь в очаге и в казане испекла чевати – блины. Она сегодня обязательно должна навестить Камилу. Теперь можно спокойно оставить свой двор без присмотра. В прошлый раз, когда ездила навестить Камилу, украли корову. Говорят же, что на бедного человека собака может напасть, даже когда он на верблюде. Что поделаешь?!

Она возила Камиле молоко, айран, каймак, а заодно и продавала часть молочных продуктов торговкам по оптовым ценам и на вырученные гроши покупала кое-что из городской еды для дочери. Теперь без коровы она не сможет побаловать девушку. Все сбережения, накопленные на учебу дочери, ушли на лекарства. Да и сколько их было?! Если бы не Максуд и его семья, разве бы хватило этих денег на лечение?!

Камила быстро шла по почти пустынным улицам, спрашивая у одиноких прохожих дорогу до старого автовокзала. Мимо нее изредка проносились автомашины. Иногда они притормаживали, и водители предлагали симпатичной, хорошо одетой девушке подвезти ее. Но Камила не обращала на них внимания, ускоряя шаг. Когда она пришла на автовокзал, автобусы из районов

только-только начали приезжать.

Айбарчин-апа вышла из автобуса и, погруженная в свои невеселые мысли, чуть было не прошла мимо нарядно одетой Камилы. Но девушка окликнула ее.

– О, Боже, это ты, доченька. Что с тобой, родная? Почему ты здесь и в такое время? Почему на тебе эта одежда? – удивилась Айбарчин-апа, оглядев девушку с головы до ног.

В это время неподалеку от них остановился белый лимузин, из которого вышли Максуд и Асрор.

– Что с вами, Камилахон? – начал Максуд. – Разве так можно? Вы так напугали нас. Что случилось? Вас кто-нибудь обидел у нас? Вчера вечером, когда вы потеряли сознание, мы вызвали «скорую». Вам сделали укол. Вы уснули... А утром вас уже не было в спальне. Куда-то исчезли.

А Айбарчин-апа, не понимая, что произошло, глядела то на Камилу, то на Максуда.

Асрор стоял рядом и не мог оторвать взгляда от девушки. «Напугали вы меня, – мысленно разговаривал он с ней. – Боялся, что никогда больше не увижу вас. Слава Аллаху, нашел. Теперь не отпущу. Вы будете моей. Да, да, моей».

Камила же стояла молча, опустив голову.

– Садитесь в машину, – предложил Максуд. – Отвезем вас в кишлак...

Дильфуза, увидев мужа обеспокоенным исчезновением Камилы, встревожилась: «Эта несчастная вскружила ему голову». Она поругала себя за то, что не послушалась подружки Ферузы, советовавшей обратиться к ворожее: «Хватит, пойду сегодня же к знающей женщине. Пусть погадает и поможет. Иначе эта проклятая девчонка разрушит мою семью», ревность и рожденная ею подозрительность не позволяли Дильфузе реально оценить ситуацию...

Рахим КАРИМОВ (Кыргызстан). Romanlar